

Ключевский Василий Осипович

Опыты и исследования

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Осипович К.**
Опыты и исследования / Ключевский Василий Осипович – М.: Книга по Требованию,
2024. – 597 с.

ISBN 978-5-519-89384-8

ISBN 978-5-519-89384-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Хозяйственная дѣятельность Соловецкаго монастыря въ Бѣломорскомъ краѣ	1— 36
Псковскіе споры	37—122
I. Русское церковное общество въ XV в. 87.—II. Псковское церковное общество въ XII в. 50.—III. Споръ съ владыкой 62.—IV. Споръ съ латынями 71.—V. Богословскій споръ 87.—VI. Литературная полемика 110.	
Русскій рубль XVI—XVIII вв. въ его отношеніи къ нынѣшнему.	123—211
I. Постановка вопроса 123.—II. Древнерусская хлѣбная четверть 128.—III. Приемы изслѣдованія 145.—IV. Рубль XVI в. Повѣрка выводовъ 154.—V. Рубль XVII в. 182.—VI. Рубль первой половины XVIII в. 201.—VII. Главные выводы 210.	
Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи. . .	212—310
Гл. I. 22—224. Гл. II. 224—225. Гл. III. 225—310.	
Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи .	311—416
I. Первая ревизія 311.—II. Церковь и холопство 336.—III. Холопы-страдники 364.—IV. Задворные люди 388.	
Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси.	417—551
Введеніе 417.—I. Соборъ 1566 г. 440.—II. Соборъ 1598 г. 476.—III. Происхожденіе земскихъ соборовъ 500.	
Приложенія.	I—XXXVIII

Хозяйственная дѣятельность Соловецкаго монастыря въ Бѣломорскомъ Краѣ¹⁾.

Въ началѣ XV вѣка подвизался въ монастырѣ Кирилла Бѣлозерскаго инокъ Савватій. Суровые подвиги его привлекли къ нему вниманіе и удивленіе игумена и братіи. Боязнь людской славы встревожила подвижника, искавшаго уединенія и безмолвія, и онъ сталъ прислушиваться къ рассказамъ пришельцевъ о далекомъ, пустынномъ островѣ на озерѣ Пего, объ обители на этомъ островѣ, въ которой иноки, „въ неослабномъ житіи“, трудятся своими руками и этимъ трудомъ добываютъ себѣ необходимую пищу. Людна и шумна показалась Савватію Бѣлозерская пустыня, и онъ ушелъ на Валаамскій островъ. Но людская слава и тамъ неразлучно сопутствовала его подвигамъ и не давала ему покоя въ новой пустынѣ, а между тѣмъ до него сталъ доходить рассказъ про другой островъ, еще болѣе чудный и пустынный, на морѣ окіанѣ, искони не имѣвшій не только мірскаго, но и иноческаго жилья. Съ силами, испытанными и укрѣпленными многолѣтнимъ подвигомъ въ двухъ обителяхъ, оставилъ онъ Валаамъ и направился къ студеному морю. Прибрежные русскіе поселенцы встрѣтили изумленіемъ и насмѣшками предпріятіе старца, „во всякой убожественной нищетѣ“ задумавшаго поселиться на далекомъ безлюдномъ островѣ; но это не смутило его. На пустынной рѣкѣ Выгу, у часовни, онъ нашелъ подобнаго себѣ подвижника пустыни, инокъ Германа. Перебравшись на

¹⁾ Московскія Университетскія Извѣстія, 1867—68, № 7.

Соловецкій островъ, они поселились тамъ, выстроить себѣ кельи. Шесть лѣтъ прожили они одни на островѣ. Недостатокъ пищи заставилъ Германа отправиться на поморскій берегъ; вслѣдъ за нимъ и Савватій покинулъ островъ и скоро скончался у прежней часовни на Выгу. Память современниковъ не сохранила извѣстія ни о мѣстѣ рожденія и родителей, ни даже о времени постриженія Савватія, и въ самомъ началѣ XVI вѣка жизнеописатель его ничего не могъ узнать объ этомъ отъ людей, между которыми хранились еще свѣжія преданія о первыхъ обитателяхъ Соловецкаго острова. Но пустынные труды Савватія и кельи, поставленныя имъ вмѣстѣ съ Германомъ на Соловецкомъ островѣ, не остались забытыми. Черезъ годъ послѣ его смерти пришелъ въ Поморье другой искатель пустыни, Зосима, гонимый мірскимъ шумомъ; на рѣкѣ Сумѣ нашелъ онъ того же старца Германа и, выслушавъ повѣсть о Савватіи, мужественно пошелъ по проложенному имъ трудному пути.

Монастырь основался. Вмѣстѣ съ нимъ возникъ центръ и двигатель разнообразной дѣятельности въ окружающемъ его Бѣломорскомъ краѣ.

Еще на Валаамѣ Савватію рассказывали, что на Соловецкомъ островѣ, удаленномъ на два дня пути отъ земли, отъ жилыхъ мѣстъ, много озеръ, богатыхъ рыбой, вокругъ этого острова много рыбныхъ ловищъ, которые, по временамъ, случайно посѣщали одинокіе рыболовы; что этотъ островъ богатъ лѣсами, вершины горъ и долины покрыты высокими соснами, годными для построекъ, и другими деревьями, что въ этихъ лѣсахъ въ изобиліи растутъ различныя ягоды. Рассказчики заключали, что островъ „добрь и благодаренъ къ сожитію человѣчества по всему“¹⁾. Кар-

¹⁾ Житіе Зосимы и Савватія, рукопись Синод. бібліотеки, № 91. Главнымъ матеріаломъ настоящаго очерка, кромѣ этого житія, служилъ рукописный сборникъ соловецкихъ грамотъ, который находится въ Соловецкой бібліотекѣ, принадлежащей теперь (1866) Казанской Духовной Академіи, №№ 18, 19 и 20.

тина такого острова могла плѣнить подвижника пустыни и безмолвія; но другіе рассказы услышалъ онъ отъ поселенцевъ, жившихъ по берегу моря „прямо противъ острова“. Ему сказали здѣсь, что тотъ островъ великъ и имѣетъ „всякаго устрою человѣческаго житія“, но много лѣтъ многіе пытались не разъ поселиться тамъ и не могли прожить долго „страха ради морскія нужа“. Уже по основаніи монастыря, когда братія просила игумена у новгородскаго архіепископа, послѣдній въ недоумѣніи говорилъ: „Вашъ монастырь стоитъ такъ далеко отъ людей; кто пойдетъ туда, и какъ церкви тамъ быть, въ сосѣдствѣ съ землею Мурманской и Каянской?“

Въ такой суровой глуши, гдѣ не жилось человѣка, „отнелѣже и солнце въ небеси“, по выраженію житія, возникла обитель, и благодаря нравственнымъ силамъ своихъ основателей побѣдила трудности, пугавшія новгородскаго архіепископа и прибрежныхъ русскихъ поселенцевъ. Но возникши вдали отъ людей, она завязывала все болѣе и болѣе тѣсныя связи съ побережьемъ, обитатели котораго такъ непринѣтливо встрѣтили начинаніе ея основателей. Завоевавъ у природы брошенный людьми островъ, монастырь показалъ примѣръ и много помогъ въ дѣлѣ подобнаго же завоеванія пустынной страны русскому человѣку, пришедшему на Корельское и Лопское море.

Во время основанія монастыря многія изъ тѣхъ чертъ, которыми описывали Савватію Соловецкій островъ, были уже неприложимы къ поморскому берегу, огибающему островъ съ сѣвера, запада и юга. Смѣлыя дружины новгородскихъ купцовъ и промышленниковъ давно знакомы были съ отдаленными сѣверными краями Заволоцкой Чуди и Корелы. Въ житіи Зосимы и Савватія, еще до основанія и по основаніи монастыря, мы не разъ встрѣчаемъ новгородскихъ гостей, которые плавали по Бѣлому морю, добывая рыбу и морского звѣря, или скупая этотъ товаръ у прибрежныхъ жителей. Но за этими временными посѣтителями

Бѣломорскаго края въ населеніи его ясно обозначаются, въ эпоху основанія монастыря, болѣе прочные и постоянные элементы. Изъ этихъ элементовъ на первомъ планѣ стоитъ туземный, который составляли давніе обитатели нынѣшняго Поморскаго, Корельскаго и Терскаго побережья — корелы. Въ житіи Соловецкихъ чудотворцевъ и въ новгородскихъ грамотахъ XV вѣка они обозначаются именемъ корельскихъ людей, корельскихъ дѣтей. Новгородцы XV вѣка различали въ этомъ финскомъ поморскомъ населеніи пять родовъ корельскихъ дѣтей, въ сосѣдствѣ съ которыми далѣе къ сѣверу и вглубь страны обитала лопь. Эти „корельскія дѣти“ жили разбросанно на всемъ протяженіи Бѣломорскаго побережья отъ рѣки Варзуги до рѣки Сумы и далѣе къ востоку и считались собственниками, вотчинниками занятыхъ ими здѣсь земель; встрѣчаемъ въ грамотахъ XV вѣка указанія на земли, „куда ходятъ корельскія дѣти“ или „куда владѣютъ вотчинники корельскія дѣти“. Они считали даже себя ближайшими собственниками еще незанятыхъ земель, какихъ въ XV вѣкѣ много было въ Бѣломорскомъ краѣ. Когда Савватій поселился съ Германомъ на Соловецкомъ островѣ, корелы ближайшаго къ острову побережья присвоили себѣ преимущество предъ пришлыми иноками въ правѣ на владѣніе этимъ островомъ. Но рядомъ съ этими туземными элементами поморскаго населенія, во время основанія монастыря выступаетъ другой элементъ, пришлый, обозначаемый именемъ людей насельниковъ, которые жили между родами корельскихъ людей такъ же разсѣянно, какъ и послѣдніе. Основаніе обители застало край въ тотъ любопытный моментъ, когда его финское разбросанное населеніе начинало болѣе и болѣе перемѣшиваться съ пришлымъ русскимъ населеніемъ, легко уступая ему мѣсто среди своихъ рѣдкихъ жилищъ, на обширныхъ пустошахъ оставшихся еще незанатыми. Задолго до основанія монастыря началось это движеніе; по побережью, преимущественно

въ низовьяхъ многочисленныхъ порожистыхъ рѣкъ, пересекающихъ западный берегъ Бѣлаго моря, возникали одинъ за другимъ поселки новгородскихъ промышленниковъ, привлеченныхъ сюда прибыльными рѣчными и морскими промыслами. Между соловецкими грамотами XV вѣка мы имѣемъ нѣсколько грамотъ новгородцевъ на владѣніе приобрѣтенными ими въ Бѣломорскомъ краѣ землями; эти грамоты, переданныя потомъ въ распоряженіе монастыря вмѣстѣ съ землями, бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на то, какой степени развитія достигла новгородская колонизація въ томъ краѣ къ половинѣ XV вѣка, къ первымъ годамъ существованія монастыря, кто были главные двигатели ея и каковъ былъ составъ русскаго населенія, занимавшаго край. Главными приобрѣтателями земель въ Поморьѣ видимъ именитыхъ новгородскихъ людей. Встрѣчаемъ указаніе на четыре сельца на Бобровой горѣ, принадлежавшія новгородскому архіепископу. Занимаютъ земли и покупаютъ прежде занятыя другими посадники, бояре и другіе богатые люди Новгорода. Около половины XV вѣка многіе имѣли тамъ отчины; у нѣкоторыхъ были уже отчины и дѣдины. Къ числу самыхъ значительныхъ землевладѣльцевъ Поморья въ послѣдніе годы новгородской вольности принадлежали Борецкіе: знаменитой Марѣ Посадницѣ только по рѣкамъ Сумѣ и Выгу принадлежало 19 деревень, которыя въ писцовыхъ книгахъ 1496 г. обозначаются еще именемъ Марѣинскихъ Исаковыхъ. Всѣ эти богатые новгородскіе люди высылали въ Поморье, на занимаемыя ими земли, своихъ рабовъ или вольныхъ поселенцевъ рабочихъ, бобылей, козаковъ: это были первые, по крайней мѣрѣ наиболѣе значительные по количеству, новгородскіе колонисты Бѣломорскаго края. Боярскіе рабы и насельники, при жизни основателей Соловецкаго монастыря, постоянно указываются въ житіи рядомъ съ туземцами, корелами и лопью, какъ второй элементъ поморскаго населенія. Боярскіе рабы прѣзжали къ острову на рыбныя ловли; они же вмѣстѣ съ

корельскими людьми старались выжить съ острова поселившихся на немъ иноковъ, говоря имъ: „островъ по отечеству наслѣдіе нашихъ бояръ“. Наконецъ, кромѣ боярскихъ рабовъ и вольныхъ поселенцевъ, селившихся на чужихъ земляхъ, сквозь неясныя выраженія новгородскихъ грамотъ XV вѣка можно разсмотрѣть и третій разрядъ людей въ составѣ русскаго населенія Бѣломорскаго края: это поселенцы собственники, на себя приобрѣтавшіе земли въ Поморьѣ и селившіеся на нихъ. Такъ вотчинникъ Маркъ изъ Варзуги далъ монастырю вотчину на рѣкахъ Умбѣ и Варзугѣ, по морскому берегу. Иныя компаніями, вдвоемъ, втроемъ, покупали въ Поморьѣ землю и селились на ней ¹⁾.

Земельныя новгородскія владѣнія XV вѣка въ Бѣломорскомъ краѣ, какъ они описываются въ указанныхъ выше грамотахъ, носятъ на себѣ одну любопытную характеристическую черту, живо объясняющую порядокъ и способъ заселенія новгородцами того края. Большая часть новгородскихъ вотчинъ въ Поморьѣ, даже у мелкихъ собственниковъ, не представляла сколько-нибудь округленныхъ земельныхъ владѣній, сосредоточенныхъ въ одной мѣстности, а состояла изъ многихъ раздробленныхъ, мелкихъ участковъ, разсѣянныхъ по прибрежнымъ островамъ, по морскому берегу и по рѣкамъ морскимъ, какъ выражаются грамоты, часто на огромномъ разстояніи другъ отъ друга. У одного владѣльца, напримѣръ, вотчина состояла изъ участковъ у „Золотца (порога на рѣкѣ Выгу), и въ Шугѣ рѣкѣ, и въ Кеми рѣкѣ, и въ Корелѣ между пятью родовъ и по всѣмъ рѣкамъ морскимъ“; другіе владѣльцы, три брата, купили два участка, которые были разсѣяны на Поморьѣ по морскимъ рѣкамъ и по лѣшимъ озерамъ, по Кеми, между корелюю, куда всѣ пять родовъ владѣютъ; а между тѣмъ за эти участки, такъ неопредѣленно обозначаемые, покупщики заплатили 8 со-

¹⁾ Сборникъ соловецкихъ грамотъ, 18, грам. № 5.

роковъ бѣлки да рубль серебра—цѣна не очень крупнаго владѣнія сравнительно съ цѣнами другихъ владѣній, встрѣчаемыми въ тѣхъ же грамотахъ. Еще болѣе разбросаны были крупныя владѣнія: встрѣчаемъ отчину и дѣдину, купленную новгородскимъ посадникомъ за полчетверта рубля, которая состояла изъ участковъ „на морѣ, на Выгу, и въ Шуѣ рѣкѣ, и въ Кеми рѣкѣ, и на Кильбостровѣ, и по морскому берегу, и по обѣимъ сторонамъ Понгамы рѣки, и по лѣшимъ озерамъ“, т.-е. тянулась отдѣльными участками на длинномъ пространствѣ нынѣшняго Поморскаго берега и далеко уходила въ Корельскій берегъ. Новгородскій промышленникъ занималъ самъ или своими рабами и вольными крестьянами участокъ у моря на прибрежномъ островѣ, на приморской рѣкѣ или озерѣ и строилъ здѣсь дворъ; при дальнѣйшемъ движеніи онъ переходилъ на другое прибрежное мѣсто, на другую приморскую рѣку, занималъ тамъ другой такой же участокъ, не обращая никакого вниманія на промежуточные пространства, вдали отъ моря, между впадающими въ него рѣками, ибо они не представляли ему прибыльныхъ промысловъ и угодій. Границы занимаемыхъ такимъ образомъ земель не вездѣ обозначались, ибо не вездѣ встрѣчались съ границами земель другихъ владѣльцевъ. Такой порядокъ занятій земель, такая разбросанность поселеній условливались главнымъ образомъ свойствами Поморскаго края. Глухое, суровое Поморье манило къ себѣ русскаго поселенца преимущественно своими обильными рыбою „лѣшными“ озерами и „морскими“ рѣками, своимъ моремъ, доставлявшимъ промышленнику соль и опаснаго, но прибыльнаго морскаго звѣря. Въ поземельныхъ описяхъ, какія представляютъ новгородскія грамоты XV вѣка, сохраненныя монастыремъ, даже повторяется однообразный перечень однихъ и тѣхъ же угодій и промысловъ, разрабатывавшихся на занятыхъ поселенцами земляхъ Поморья. Чрезвычайно рѣдко упоминается въ этихъ описяхъ поморскихъ земель „страдамая“ или „орамая

земля“¹⁾; скудное земледѣліе по Поморскому берегу, ограничивающееся сѣянiемъ почти одного только ячменя, и нынѣ идетъ немного сѣвернѣе Кеми; дальше не родится уже никакой хлѣбъ. За исключенiемъ этихъ рѣдкихъ указанiй на страдомыя земли, во всѣхъ описяхъ повторяются одни и тѣ же угоды и промыслы: земли (нестрадамыя) и воды, рыбныя ловища и тони по морскому берегу, по лѣшимъ озерамъ или морскимъ рѣкамъ, лѣсъ полѣшій или—въ противоположность ему—страдамый, наконецъ пожни; въ нѣкоторыхъ присоединяются ко всему этому еще сала морскія. На этихъ-то прибрежныхъ, рѣчныхъ и морскихъ земляхъ, съ развитіемъ новгородской колонизаціи въ Бѣломорскомъ краѣ, возникали промышленныя поселки, или страдамыя деревни, заселявшіяся боярскими рабами или вольными насельниками. Около половины XV вѣка эти поселки еще сохраняли на себѣ свѣжіе слѣды своего недавняго появленiя въ пустынномъ краѣ: разбросанные рѣдкими точками на далекихъ другъ отъ друга пунктахъ, они были бѣдны и поселенцами, и хозяйственными постройками. Въ деревнѣ Марѣ Посадницы на рѣкѣ Сумѣ жили только два бояры. У другого владѣльца на уступленныхъ имъ монастырю земляхъ по рѣкамъ Выгу, Шуѣ, Кеми и другимъ находился всего одинъ дворъ съ хоромами. У одного вотчинника въ Великокурьѣ, при морѣ, былъ въ вотчинѣ городецъ подъ горою и ворище. Среди этихъ разбросанныхъ поселковъ, къ половинѣ XV вѣка, начали уже появляться мѣстные центры, которыми служили „молитвенные храмы“, или часовни, возникавшіе у моря, на рѣкахъ, въ мѣстностяхъ наиболѣе заселенныхъ русскими колонистами. Такъ была часовня на рѣкѣ Выгу, при впаденiи въ нее рѣки Сороки;

1) Изъ 35 или 36 земельныхъ владѣній, приобретенныхъ Соловецкимъ монастыремъ до начала XVI вѣка на Поморскомъ, Корельскомъ и Терскомъ берегу, только въ четырехъ указываются страдомыя или орамыя земли и эти владѣнія всѣ были на Поморскомъ берегу. Сборникъ соловецкихъ грамотъ, №№ 2—5.